

ЭСЕРЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ СИБИРСКИХ ОРГАНОВ ВЧК (1920–1921 гг.)

На основе документов и материалов сибирских органов ВЧК раскрывается нелегальная деятельность эсеров на территории Томской губернии после восстановления советской власти в Сибири. Показаны основные направления деятельности правых эсеров в этот период, формы и методы их работы среди различных слоев населения. Автор пришел к выводу, что с началом гоним социалистско-революционеры предприняли попытку активизировать свою работу и это побудило партийно-советские органы власти, местные структуры ВЧК осуществить карательные меры, которые парализовали деятельность немногочисленных организаций правых эсеров на территории губернии.

Ключевые слова: Сибирь; Томск; советская власть; эсеры; нэп; сводки; органы ВЧК.

Документы и материалы органов ВЧК являются одним из важных источников по исследованию деятельности партии социалистов-революционеров в советский период. Они помогают конкретизировать направления и формы нелегальной деятельности эсеров, дают представление о численности и персональном составе партийных структур, дополнительные сведения о членах партии, вставших на путь борьбы с большевистской властью. В современной исторической литературе высказано мнение, что в формировании негативного образа социалистических партий особую роль сыграли органы ВЧК, которые в своих сводках и отчетах давали собственное представление о деятельности эсеров и меньшевиков [1. С. 105]. На наш взгляд, следует принять во внимание, что нельзя полностью доверять этим документам, так как информация местных органов ВЧК часто основывалась на сведениях секретных сотрудников и зачастую преувеличивала масштабы, возможности и реальную работу эсеров.

После освобождения Сибири от колчаковских войск и восстановления советской власти партийная деятельность эсеров была вначале ограничена, а потом и запрещена на всей территории. Однако, несмотря на изменившуюся ситуацию, эсеры оставались на своих прежних идеальных позициях. Так, накануне освобождения Томска, губернская организация партии социалистов-революционеров (ПСР) 9 декабря 1919 г. выпустила листовку, в которой призывала к борьбе за «создание однородно-социалистической государственной власти, опирающейся до созыва Учредительного Собрания на земства и объединения демократии», за автономию Сибири и созыв Сибирского учредительного собрания [2. Л. 80]. После освобождения Томска правозерсовская организация распространила листовку, в котором они заявили, что «члены партии с-р. никакого участия в Военно-революционном комитете не принимали и в качестве членов такового не состояли. То же самое относится и к военно-революционному штабу, действующему при комитете» [Там же. Л. 28]. В письме пояснялось, что данная ситуация сложилась в силу того, что коммунисты приняли решение об образовании военно-революционного комитета без участия правых эсеров, а также членов комитета Военно-социалистического союза. Какбы представитель большевистской партии

заявил эсерам, что «о них разговора быть не может» [2. Л. 28].

Политические позиции Томской губернской организации ПСР в новых общественно-политических условиях обозначились в листовке губкома от 20 декабря 1919 г., отпечатанной большим тиражом. Эсеры заявили, что в отношении советской власти они занимают положение лояльной оппозиции, намерены участвовать в работе Советов, если их практическая деятельность не будет идти в разрез с основными требованиями демократии: «Партия социалистов-революционеров считает за себя возможным говорить о сотрудничестве с этой властью, считает для себя возможным дать свою санкцию на участие партийных товарищей в работе отдельных Советских учреждений, за исключением занятия должностей, связанных с политическим представительство центральной власти» [Там же. Л. 79]. Бывший член партии эсеров В.Е. Никитин в показаниях в губчека писал: «Первые дни при Советской власти они (эсеры. – А.Д.) выглядели лояльными и покорными...» [3. Л. 4]. А победители смотрели на эсеровские планы и намерения уже иным образом.

Партийные структуры РКП(б) начали подготовку к выборам в Советы. В начале февраля 1920 г. Томское временное губернное бюро РКП(б) рассмотрело на своем заседании вопрос «О политике ЧК» и поручило члену бюро А.И. Галунову в кратчайший срок подготовить доклад о политических группах. Вопрос об отношении к различным политическим группировкам запланировали обсудить на заседании губбюро, а затем сделать доклад на собрании ответственных работников РКП [4. Л. 10]. В марте 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) приняло решение о проведении в Сибири выборов в городские Советы рабочих и красноармейских депутатов [5. С. 153]. Это известие породило определенное оживление и надежды в эсеровских кругах. На заседании Томского парткома РКП(б) 9 марта 1920 г. было рассмотрено письмо о легализации инициативной группы социалистов-революционеров и принято решение: «Ввиду того, что власть в Сибири принадлежит революционным комитетам, образование каких-либо партийных групп параллельно РКП, считать невозможным...» [6. С. 71]. Вскоре Томский губернский революционный комитет официально запретил правым эсерам и меньшевикам устра-

ивать свои собрания в городе [7. С. 115]. В ответ на это Томский губком партии эсеров выпустил прокламацию, в которой констатировал, что круг лиц, которым предоставляется избирательное право, сужен томской избирательной комиссией «до размеров предоставления голоса совершенно незначительному числу трудящихся»; что большевистский политический режим сделал невозможной организацию предвыборной агитации и общение с массами, чем «сводится на нет основное содержание партийной работы при всяких выборах»; что при таких условиях выставление партийных списков неосуществимо, а «персональное прохождение в Совет отдельных членов партии при невозможности в самом Совете вести политическую работу и даже использовать Советы, как трибуну, теряет всякий смысл» [2. Л. 81; 6. С. 132]. Губком ПСР предложил всем членам партии и сочувствующим отказаться в Томске от выставления своих кандидатов в члены Совета, а также от участия в голосовании. В прошедших выборах участвовали около 70% избирателей, в городской Совет были избраны только коммунисты [8. С. 21]. Бескомпромиссная позиция правящей большевистской партии не оставляла эсерам никакой надежды на лояльное отношение к социалистическим партиям, тем более сотрудничество. Они уходят в подполье.

В апреле 1920 г. в Томске состоялась нелегальная партийная конференция, в которой принял участие член Всесибирского краевого комитета ПСР С.А. Кудрявцев. Оперативным путем чекисты выявили, что на конференции принимали участие П.Г. Лихачев, П. Копоголов, Ф.А. Вольфович, Д.В. Сипягин-Соболев. В документах Кудрявцева и Лихачева, изъятых при обысках, оказалась записка, которая раскрывала суть принятого решения: «1. Военно-партийная диктатура нынешней советской власти по-прежнему является неприемлемой и, казалось бы, не может быть долговременной и прочной, так как не соответствует интересам и правосознанию масс. 2. От саботажа и вооруженной борьбы с советской властью в Сибири приходится отказаться, не предпринимая дальнейшего поведения. 3. Необходимо работать в советских органах, стараясь корректировать вредные для населения мероприятия, всячески сохраняя связь с населением» [6. С. 79]. В последующей сводке губЧК отмечалось: «Связь с центром у них, по-видимому, очень плохо налажена, т.к. они все еще ждут указания из центра» [Там же. С. 134].

На пленуме Томского губкома РКП(б) 11–12 мая 1920 г. были заслушаны доклады с мест, в том числе представителей ЧК, в которых озвучили, что в большинстве уездов заметно оживление работы эсеров: в Щегловском уезде обнаружена и арестована эсеровская организация «в составе 43 человек»; в Мариинском уезде эсеровская группа работает при кооперации, «во главе которой стоит бывший эсер», по Анжеро-Судженскому району особое беспокойство вызвало «пополнение РКП эсерами, которые, пользуясь случаями отсутствия необходимых вещей, поднимают демагогию, говорят о бюрократизме и т.п.» [9. Л. 1–3]. К лету 1920 г. сибирские органы ВЧК выявили ряд

крупных и мелких эсеровских организаций и групп, действующих на нелегальном положении. Подпольные структуры партии эсеров (губкомы, горкомы) активизировали деятельность во всех губернских городах: Омске, Томске, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске.

В Томске развернула свою работу подпольная организация, созданная на основе бывшего Военно-социалистического союза, имевшая паспортное бюро, шифры, оружие, типографию [10. С. 289]. На основании агентурных данных 9 мая 1920 г. был арестован эсер Д.В. Сипягин-Соболев, осуществлявший связь между Томской организацией социалистов-революционеров и офицерской организацией А.И. Гавриловича [6. С. 153]. В ночь на 14 мая подпольная организация А.И. Гавриловича была ликвидирована: спустя несколько недель 44 чел. расстреляны, остальные приговорены к различным срокам заключения [7. С. 115]. Д.В. Сипягин 25 июня 1920 г. был приговорен ТомгубЧК к расстрелу, но приговор не привел в исполнение ввиду принадлежности его к партии социалистов-революционеров. В июне 1920 г. в г. Томске был раскрыт губернский комитет партии правых эсеров. После его ликвидации документы и материалы Томской организации ПСР за 1918–1920 гг. оказались в руках чекистов, что существенно облегчило их работу по разоблачению «идейной» оппозиции [11].

В ночь на 11 июля 1920 г. в Томске были арестованы более 100 членов подпольной офицерской организации, о чем председатель Томского губкома М.Д. Берман информировал Сибревком. Организаторы планировали поднять восстание в Томске с помощью надежных воинских частей, занять несколько сел и волостей губернии [12. Л. 22–23; 13. Л. 2]. ГубЧК установило причастность ряда эсеров к готовящемуся заговору: они предоставляли свои конспиративные квартиры, принимали участие в ряде совещаний [14. С. 90–91]. Сиббюро ЦК РКП(б) постановило всех социалистов-революционеров, арестованных по Томскому заговору, перевести в Омск «для более детального дознания тов. Павлуновским. Над остальными арестованными провести дознание и, если будет достаточно материала, создать процесс» [15. Л. 2; 16. С. 16]. В августе 1920 г. 25 активных участников неудавшегося заговора, в основном офицеров, были расстреляны при приговоре Томской губернской ЧК [6. С. 288–291; 17. 26 авг.]. Карательные меры большевистской власти вынудили социалистов-революционеров Сибири уйти в глубокое подполье. Во второй половине 1920 г. сибирские чекисты не фиксируют активной работы эсеров на территории Томской губернии.

С началом новой экономической политики анти-советская деятельность оппозиционных партий оживляется. Социалисты-революционеры попытались использовать возможности нэпа для активизации своей партийной работы. В связи с этим в марте 1921 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия направила своим органам секретную телеграмму, в которой устанавливался порядок взаимного обмена информацией центральных и местных органов государствен-

ной и партийной власти через структуры ВЧК. В первой сводке из Томска (март 1921 г.) отмечалось, что по службам управления Сибирской железной дороги заметно оживление со стороны эсеров и меньшевиков: «Каждая группа начинает по своему истолковывать распоряжения рабоче-крестьянского правительства, затемняет головы обывательски настроенным рабочим. Так налоговая система взамен разверстки объясняется превратом, пускают слухи, что это уловка коммунистов, чтобы после посева забрать хлеб от деревни побольше» [18. Л. 7]. В двухнедельной сводке дорожно-транспортной ЧК Томской железной дороги за период с 1 по 15 мая указывалось, что в Томске побывали руководители Марининой эсеровской организации Е. Ковалевский, Н. Хлебников, «которые на квартире эсера Веселовского – служащего бухгалтерии губпродкома, вели какие-то разговоры» [Там же. Л. 40]. В информационной сводке Томской губЧК за июль 1921 г. сообщалось: на учет поставлены 280 эсеров, 40 меньшевиков, 65 кадетов и 6 анархистов [Там же. Л. 65]. Секретные сотрудники ЧК писали в своих донесениях, что среди всех антисоветских партий наибольшим авторитетом у населения пользуются эсеры, так как «они используют каждое собрание, каждую беспартийную конференцию и вообще каждую трибуну для подрыва авторитета власти» [Там же].

Сводки органов ВЧК позволяют уточнить социальный состав эсеровских организаций. «Большинство членов политических группировок по социальному положению студенты или служащие», – сообщалось в июле 1921 г. «Внутреннего осведомления по политическим группировкам не имеется, хотя довольно продолжительное время принимались меры, чтобы оно было. Для имеющегося осведомления (нами. – А.Д.) используются бывшие члены этих партий, комячейки и, наконец, аппарат информации по учреждениям и ВУЗам» [Там же]. В очередной сводке за август 1921 г. Томское губЧК сообщало, что «политические партии, как организации, по Томской губернии не выявлены. Существование различных комитетов этих организаций выявить затруднительно, т.к. осторожность и конспирация у антисоветских политических партий становится в настоящее время на первое место. Имеются на учете отдельные члены партии, из которых многие видные старые работники» [18. Л. 172]. Там же сообщалось, что более активно работают молодые члены партии эсеров: «Они развивают работу среди учащейся молодежи и по мере возможности среди красноармейцев, среди рабочих стараются устраивать забастовки, но осторожно, чтобы не скомпрометировать себя» [Там же]. В этой же информации приведены сведения, что к 1 сентября 1921 г. по губернии на учет стояли 175 эсеров. Расхождение данных в 105 чел., приведенных в июльской сводке по эсерам, чекисты не поясняют. В очередной информационной сводке ТомгубЧК за сентябрь 1921 г. сообщалось: «Несмотря на то, что в Томске по предположениям должны существовать политические партии, как организации, таковые не раскрыты по настоящее время. Более активно работают эсеры и духовенство» [Там же. Л. 201].

В августе 1921 г. Сибревком по просьбе президиума Томского губернского исполкома Советов отменил военное положение на территории Томской губернии. Приказом ВЧК № 300 от 14 сентября 1921 г. по стране вводилась единая система государственной информации, определялись составы госинфотройки (губчека, губкомы, губисполком), утверждались сроки предоставления информации – 3-дневные сводки, 2-недельные бюллетени [19. С. 23]. В органах ВЧК подобного рода сводки представлялись в центральный аппарат от различных подразделений. Информационные сводки дорожно-транспортных органов ЧК (ДТЧК), курировавших транспорт, позволяют сравнить сведения территориальных и ведомственных подразделений органов ВЧК, перепроверить факты, получить дополнительные материалы о деятельности эсеров по сибирским губерниям.

В сентябре 1921 г. сибирские чекисты докладывали по инстанциям, что эсеры пытаются попасть в государственные органы, общественные и хозяйственные организации, и особенно в кооперативные. «Разъезжающие среди крестьян эсеровствующие лица, – писало в сводке Томской губЧК, – ведут усиленную агитацию в пользу партии эсеров, против Советской власти, ее распоряжений и действий. Авторитет эсеров все увеличивается среди крестьян» [18. Л. 202]. Томские чекисты акцентировали внимание представителей органов власти, что местные эсеры проявляют особый интерес к государственным учреждениям и предприятиям связи.

В связи с активизацией эсеровской деятельности сибирские органы ВЧК осенью 1921 г. решили осуществить аресты наиболее активных членов партии социалистов-революционеров. В этой акции особо отличился Томская губерния, где, по предположениям чекистов, находился ряд членов Всесибирского краевого комитета партии эсеров. В начале сентября 1921 г. за антисоветскую пропаганду в г. Томске были арестованы четыре служащих томского губернского союза потребительской кооперации: Г.П. Белошицкий – управляющий делами Томского единого потребительского общества (член партии эсеров с 1916 г., товарищ председателя Томского горкома ПСР в 1918 г.), А.Т. Лобачев – председатель исполнительного бюро Рабочего кооператива губсоюза (член партии с 1904 г.), Г.М. Гальченко – делопроизводитель губсоюза (член партии с 1910 г., член горкома ПСР в 1918 г.), Ф.И. Сорокин – заведующий Томской контрольной распределения губсоюза (член партии с 1917 г.) [20. С. 260]. В этот же день, 7 сентября, были арестованы три студента Томского университета: Б.Б. Тулиц (член ПСР с 1917 г.), Р.А. Блох (партаст с 1913 г.), Л.К. Белкин (член партии с 1917 г.) [Там же. Л. 264]. Вскоре все арестованные были переданы в ведение Представительства ВЧК по Сибири.

В меморандуме № 5 Томской губЧК от 10 октября 1921 г. сообщалось, что получены достоверные сведения о том, что служащий губернского кооперативного союза эсер М.У. Липик хранит много оружия, а также «собирает у себя на складе разных лиц», в связи с чем 21 октября были арестованы еще восемь слу-

жащих губсоюза: М.У. Липик, И.Т. Мяздринов, Л.Я. Потеряев, М.У. Данин, П.В. Снегирев, Н.Н. Досенин, Е.А. Петухов, Н.Д. Иванов [18. Л. 332]. Интересно то, что все арестованные лица никогда не фигурировали в качестве активистов городской или губернской организации эсеров, а трое (Снегирев, Досенин, Потеряев) вообще не состояли в членах этой партии. В это же день, 10 октября, чекисты арестовали еще пять членов партии, которых, по прошлой партийной деятельности, действительно можно отнести к категории эсеров-активистов: Н.В. Ульянов – завхоз Томского университета (бывший дектор губкома в 1918 г.), Н.И. Портягин – инструктор речной милиции, Л.Н. Перелешин – преподаватель инженерной школы (бывший член губкома ПСР в 1918 г.), П.Е. Генерезов – управляющий делами гублеса, В.И. Портягина – фельдшер городской хирургической клиники [Там же].

В информационной сводке дорожно-транспортной ЧК за период с 1 по 15 ноября 1921 г. указывалось, что эсеровские группировки правого течения обращают на себя внимание в районе Кольчугинской железнодорожной ветки. На Тайгинском участке зарегистрированы 15 эсеров. Среди них особенно выделялась группа из контролеров поездов и движущих (6 чел.), которые «часто собирались вместе, вели разговоры антикоммунистического характера» [Там же]. В ночь на 7 ноября были арестованы пять эсеров из Мокрушинской и четыре члена Томпикской организации ПСР. У эсера Т.Н. Колокольева (Мокрушино) сотрудники ДТЧК нашли записку следующего содержания: «Тимофей Николаевич, постарайтесь избрать штаб вашего... (так в документе. – А.Д.), у которого должны стоять лица, хорошо знающие военную тактику, а также демократически развитые. Разбейте на группы от 5 до 10 человек, как я вам говорил, установите хорошую дисциплину и делайте подготовку» [20. С. 60].

В октябре–ноябре 1921 г. аресты эсеров были проведены во всех губернских городах Сибири. В результате операций сибирских органов ВЧК в тюрьмах оказался почти весь состав Иркутского губернского комитета ПСР, члены Омского губкома партии эсеров. Сиббюро ЦК РКП(б) информировало вышестоящие органы: «Что касается эсеров, то все активные эсеры Сибири изъяты и содержатся в тюрьмах» [21. Л. 52].

Тем не менее в годы нэпа оппозиционные социалистические партии, даже находясь на нелегальном положении, существенно расширили свою работу. Бывшие и действующие члены партии эсеров, имеющие за плечами богатый опыт кооперативной работы, оказались востребованы, особенно в кооперативных организациях. Они стали активно занимать руководящие должности в среднем и первичном управленческом звене сибирской кооперации, устраивая на работу в должности инструкторов, курато-

ров, контролеров. Материальная база сибирской кооперации стала активно использоваться для нужд партийной работы: помещения, почтовая и курьерская связь и даже типография.

В свое время томский историк Л.И. Боженко писал, что после перехода к нэпу эсеры Сибири «жили полной партийной жизнью, со своими центральными, краевыми, областными и местными комитетами партии, с регулярными советами, совещаниями и т.п.» [14. С. 91]. По нашему мнению, это не относится к социалистам-революционерам Томской губернии. После самороспуска Сибирской областной думы (1918 г.), переезда в Иркутск Всесибирского краевого комитета ПСР (1919 г.) Томск оказался на периферии партийной жизни. В числе партийных функционеров и эсеров-активистов 1920–1921 гг. не видно ярких фигур, сыгравших заметную роль в жизни Томской организации ПСР в предшествующие периоды. Регулярные сводки, сведения, информации партийных структур РКП(б), местных органов ВЧК также не подтверждают широко организованной работы эсеров среди населения. Немногочисленные факты «вредительской» деятельности эсеров, скорее всего, относятся к личной инициативе бывших и действующих членов партии, нежели к официальным руководящим директивам и решениям партийных комитетов, организаций.

Своеобразный «расцвет» нелегальной деятельности сибирских эсеров пришелся на начало 1922 г. На рубеже 1921–1922 г. активизировал свою деятельность Всесибирский краевой комитет ПСР: повсеместно обновилась подпольная руководящая структура эсеров губернского (городского) уровня, возобновились контакты между регионами. Существенными факторами стали наличие и близость Дальневосточной республики: с территории ДВ доставлялась партийная литература, газеты, листовки, поддерживалась связь с зарубежными центрами. Но Томская губерния не относилась к числу регионов, где правым эсерам удалось наладить и широко развернуть партийную работу. И в этом существенную роль сыграли томские органы ВЧК, которые заблаговременно нейтрализовали активных эсеров, и они вплоть до середины 1922 г. находились в местах заключения [22. Л. 7].

После судебного процесса над социалистами-революционерами (август 1922 г.) чекисты вновь предметно занялись эсерами: одних они склонили к сотрудничеству через так называемое ликвидаторское движение, других направили по отработанной схеме: арест – тюрьма – высылка за пределы губернии (или ссылки). Сибирские органы ЧК, следуя партийным директивам РКП(б) и указаниям ВЧК, осуществляли политику превентивных карательных мер в отношении политической оппозиции, проводили жесткую линию на подавление любого сопротивления советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суслов А.И. Социалисты в Советской России: проблемы историографии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 103–107.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 23.
3. Центр документации новейшей истории Омской области (далее – ЦДННОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 238.

4. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 22.
5. История Сибири. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, Ленинград, отд.-е. 1968.
6. Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть: сб. док. и материалов. Томск, 1997.
7. Макаручук С.В. Экстремизм в политической культуре большевизма: установление советской власти на Востоке России (1919–1922 годы) // Вестник КемГУКИ. 2015. № 31. С. 112–118.
8. Гагарин А.В. Первые выборы Советов в Сибирь после разгрома колчаковщины // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины: материалы науч. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. Вып. 2. С. 19–23.
9. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 84.
10. Томская область: исторический очерк. Томск, 1994.
11. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 83 л.
12. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20.
14. Божено Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне. Томск, 1968.
15. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 3.
16. Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. Новосибирск, 1997.
17. Дело революции. 1920. 26 авг.
18. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
19. Изюмкин В.С. Политический контроль в Советской России (1918 – 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
20. Из истории земли Томской. 1921–1924. Народ и власть: сб. док. и материалов. Томск, 2000.
21. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 155.
22. Протокол заседания совещания секретарей губкомов РКП(б) Сибири 19–20 июня 1922 г. // ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 339.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

TOMSK PROVINCE SOCIALISTS-REVOLUTIONARIES IN THE DOCUMENTS AND MATERIALS OF THE SIBERIAN BODIES OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION DURING 1920–1921

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 41–46.

DOI: 10.17723/15617793/409/6

Anatoly V. Dobrovolsky, Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dobr@sgups.stu.ru

Keywords: Siberia; Tomsk; Soviet power; socialist-revolutionaries; NEP; briefs; bodies of the Cheka.

The article first presents the activity of the right social revolutionaries in Tomsk Province after the restoration of the Soviet power in Siberia during 1919–1921. The position of the provincial body of the Socialist Revolutionary Party before and after its transition to the illegal status is described on the basis of the documents and materials included in the disposal of the Siberian All-Russian Extraordinary Commission authorities. The publication illustrates the main activities of the right social revolutionaries during 1920–1921, as well as the forms and methods of their work among various social groups. An effort was undertaken to assess the influence of right socialist revolutionaries on the social and political life of the province. Comparing the reports of different departments of the Cheka bodies, private information letters of the Russian Communist Party of the Bolsheviks organizations and some Socialist Revolutionary Party documents allow reconstructing the picture of the right social revolutionaries during their underground activities in Tomsk Province. The analysis of these sources, including comparative, structural and logical methods of research, allowed receiving new information regarding the organizational structure, the composition parameters of the revolutionary organizations in that period. The study of the materials shows that the Bolshevik authorities did not initially volunteer to cooperate with the socialist opposition and initiated a number of measures restricting and then suppressing activities of the social revolutionary rights on the territory of Tomsk Province. The author provides information showing that the local bodies of the All-Russian Extraordinary Commission had sufficiently detailed information about the illegal activities of socialist revolutionaries, with the exception of intra-party information. Conspiracy of Socialists-Revolutionaries significantly complicated the work of the Cheka bodies, forcing chekists and their confidential colleagues to provide unverified and sometimes false information, exaggerating the scale of work and the real influence of the right socialist revolutionaries. Regular information of the party structures of the Russian Communist Party of the Bolsheviks, of the local All-Russian Extraordinary Commission does not confirm the widely organized social revolutionaries among the population. The author concludes that illegal activities of the Socialists-Revolutionaries in Tomsk Province during 1920–1921 were primarily episodic in nature and did not represent special danger for the dominant Bolshevik regime. The activities of the right socialist-revolutionaries activated noticeably with the beginning of the new economic policy, prompting the Soviet party authorities and the local structures of the Cheka bodies to implement punitive measures that effectively paralyzed the activities of the few right social revolutionary organizations on the territory of Tomsk Province.

REFERENCES

1. Suslov, A.I. (2008) Sotsialisty v Sovetskoy Rossii: problemy istoriografii [The socialists in the Soviet Russia: problems of historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 103–107.
2. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 274. List 1. File 23. (In Russian).
3. Documentation Center of the Modern History of Omsk Oblast (TsDNIOO). Fund 19. List 1. File 238. (In Russian).
4. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 1. List 1. File 22. (In Russian).
5. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia since ancient times to the present day]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
6. Markov, V.I. (1997) *Iz istorii zemli Tomskoy. 1917–1921. Narod i vlast': sb. dok. i materialov* [From the history of the Tomsk land. 1917–1921. People and Power: documents and materials]. Tomsk: Vodolet.
7. Makarchuk, S.V. (2015) Extremism in political culture of Bolshevism: the establishment of Soviet power in Eastern Russia (1919–1922). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 31. pp. 112–118. (In Russian).
8. Gagarin, A.V. (1970) [The first elections to the Soviets in Siberia after the defeat of Kolchak]. *K 50-letiyu osvobodivshiesya Sibiri ot kolchakovshchiny* [On the 50th anniversary of the liberation of Siberia from the Kolchak rule]. Proceedings of the conference. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 19–23. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund r-1. List 1. File 84. (In Russian).